

ЗАДАЧНИК

Встреча не раз откладывалась. С извинений за невольный срыв начала разговор Алла Демидова — гость Клуба критиков при Центральном Доме актера. И с первых же минут беседы зародилась и постепенно сгущалась странно-тревожная атмосфера.

Актриса редкостно трагедийного дарования — а высший жанр практически исчез. Почти не оставшегося интеллектуального типа — а кому он нужен в эпоху торжествующей животности. Масштаб личности очевиден, одаренности — в том числе и литературной — тоже. Судьба до недавних пор завидная: одна из центральных фигур самого дерзновенного театра, партнер человека-мифа Владимира Высоцкого, свидетель и участник многих событий, определивших судьбу отечественной сцены. И лицо, фактически невидимое на сегодняшних подмостках.

Будь Алла Сергеевна приписана к ка-

*Экран и сцена
1998 - март (~9) -*

Эмиграция-98, или Гость в своем доме

97

кой-нибудь солидной труппе, рельефность сгладилась бы. Раздавались лишь время от времени традиционные сетования на зависимость актерского положения, умеренные сознанием, что так было всегда, что заброшенность одних артистов — условие расцвета других. Таков круговорот актерской фортуны. Но тут одиночество, изъятость из текущего процесса (о собственном театре — отдельно) разительны: такая актриса — вне сцены столицы?

Она не жаловалась. Рассказывала — с привычной острой наблюдательностью и непривычно мягким юмором — о былом (иногда, когда трагивались до сих пор ноющие порезы — Эфрос и Таганка, Любимов и Губенко, останавливая себя: "не уверена, что имею право об этом говорить"). И о событиях последних лет — к примеру, приглашении с "Медеей" в Алма-Ату, когда вальяжная аудитория осталась недовольна краткостью спектакля и пришлось импровизировать второе отделение.

В повествование о международных фестивалях и воспоминания о свиданиях со светилами сегодняшнего мирового театра естественно вплелись размышления о природе трагического, о способах сегодняшнего его воплощения. Даже с демонстрацией одного из главных средств — голоса. Жаль, что мало было коллег-актеров, коим подобный опыт не помешал бы. Жаль и неостребованности Демидовой как педагога. Несколько лет преподавания в родном Шуйкинском оставили у Аллы Сергеевны тяжелое впечатление: слишком много студенты брали у педагога, слишком мало предлагая и делая сами.

И, разумеется, были вопросы о ее собственном театре "А", которым, как когда-то ей мечталось, откроется целый ряд свободных сцен, где каждый будет делать то, что считает нужным, а окончательный выбор останется за публикой. К поднятой шумихе об избытке театров в российской столице (числом их Москва, как прекрасно известно, значительно уступает другим, отнюдь не имеющим столь славного прошлого мировым центрам) — история "А" представляет блестящую иллюстрацию.

Началась она с попытки спасти "Федру" — единственное и первое во всем тогда еще СССР воплощение цветаевского шедевра. Актриса сама (!) выкупила спектакль, благодаря чему его смогли уви-

деть зрители других стран, когда в родных стенах на Таганке на нем поставили крест.

Потом было знакомство с одним из интереснейших и своеобразных режиссеров — Терзопулосом. Так появился "Квартет", несколько раз прошедший на Малой сцене Таганки. Трудностей в работе хватало, в том числе курьезных. Об одном случае Алла Сергеевна рассказала. Уже на последних репетициях, когда ставился свет, переводчицу со слабым голосом не слышали техники. Тогда актриса, стоя на сцене, стала повторять ее слова громче. Режиссер, и без того в раздражении от задержек, решил, что та сама стала распоряжаться в несвойственной ей области, и обрушил на нее ярый гнев.

Вышедший дуэт (партнер — уже известный тогда Дмитрий Певцов) в Москве быстро сошел, но не по причине зрительского невнимания. Плата за аренду была такой, что для сведения финансовых концов пришлось бы отказаться от демократической (читай: квалифицированной) публики. Спектакль тоже перешел в разряд фестивальных, ненужных на родине, как и последовавшая за ним "Медее" — единственный раз (по печальному свидетельству актрисы — неудачно) показанный в Москве под эгидой I Чеховского фестиваля. Та же судьба — неостребованности соотечественниками — ожидает, похоже, и будущие работы.

Очевидность неопровержима: актриса-изгнанница. Ее спектакли, как и избранное ею направление, могут у кого-то вызывать несогласие или равнодушие, но что без Аллы Демидовой московская театральная палитра бледнее — вряд ли кто-нибудь будет спорить. На вопрос — предлагали ли ей, одной из немногих, чья слава русской актрисы перешагнула границы, поддержку (кто-нибудь: комитет по культуре Москвы, правительство, коллеги по театральному Союзу), — ответ отрицательный. Когда-то, в самом начале, попытки были, но даже стандартное штатное расписание (обязательное) настолько не соответствует реальным потребностям, что дотации, будь она выдана, все равно не хватило бы. Так что спектакли театра "А" — на собственные заработанные и от случайных меценатов изредка выпадающие средства — достояние мировой, не российской культуры. Вот и теперь — престижный фестиваль в Латинской Америке с долгими затем по ней гастрольями.

Внятно стало, о чем раньше была лишь тень подозрения: культура России сегодня — культура колонии. Признаков: от изменений в языке (не смеси французского с нижегородским, это еще полбеды, но сплава иностранного с блатным) до стремления субкультур занять ведущее положение (новогодний телеконцерт, где идолы толп брались за классику — жалкое и жуткое зрелище — тому свидетельство) — более чем достаточно. И вот еще симптом: художник не находит на родине ни места, ни аудитории.

Утечка талантов нарастает.

Геннадий ДЕМИН